

Входящая по сути своей в круг повестей и сказаний, объединяемых темой «гибели Новгорода», она исследователями справедливо связывается, как с ее непосредственной реальной основой, с событиями первого десятилетия XVI в. — катастрофическими пожарами города и массовым мором 1508 г.⁸

Литературное оформление устнопоэтической легенды, вошедшей в состав «Жития Варлаама», на этот раз принадлежало неизвестному нам по имени местному автору. Лишенное словесной украшенности и изощренности литературного стиля ученого серба, оно от того не потеряло, а выиграло в драматической напряженности и впечатляемости.

Перерабатывая устный рассказ о «новом чуде» почитаемого святого в литературную повесть, автор не избежал как образного, так отчасти и фразеологического влияния разных подходящих по теме литературных источников.⁹ Однако его повесть не столь шаблонно риторична, как творение Пахомия. И хотя в целом в повести не так уж много конкретного локального элемента, кроме основы топографической ориентировки «видения» — с крыши Хутынского собора на юг, на город и озеро Ильмень, Новгород ощутимо присутствует в ней как главный герой, судьбам которого повесть посвящена

Летописный рассказ о событиях 1508 г. реалистичнее житийной повести. Говоря о связях живописного и литературного «изложения» сюжета, пожалуй, можно было бы найти больше прямых совпадений между ним и иконой. Однако, как и в предыдущем случае, очевидно, не только наличия устно-эпической легенды, но и наличия письменного летописного «светского» рассказа было недостаточно для возможности появления икон на тот же сюжет. Лишь повесть, как часть жития святого Варлаама, открыла им путь. Только после ее создания появляются односюжетные с нею иконы (рис. 1, 2). Основной и начальной из них следует признать ту, которая находилась в самом Хутынском монастыре, месте действия повести.¹⁰

⁸ П. А. Гусев. Новгород XVI века по изображению на Хутынской иконе «Видение пономаря Тарасия». — Вестник археологии и истории, вып. XIII, СПб., 1900; А. С. Орлов. Видение хутынского пономаря Тарасия-Прохора. — ЧОИДР, М., 1908, кн. 4 (227-я).

⁹ А. С. Орлов. Видение хутынского пономаря Тарасия-Прохора.

¹⁰ Нахождение там данной иконы в XVII в. зафиксировано в монастырской описи 1642 г. (Опись Новгородского Спасо-Хутынского монастыря 1642 года. — Записки Отделения русской и славянской археологии имп. Археологического общества, т. IX, СПб., 1857, стр. 435). Наличие иконы еще на месте в половине XIX в. засвидетельствовано Филимоновым и описателем церковных древностей Новгорода архим. Макарием. На месте же Хутынскую икону описывал Гусев, издавший ее в 1900 г. (см.: П. А. Гусев. Новгород XVI века, по изображению на Хутынской иконе «Видение пономаря Тарасия»). В настоящее время она находится в Новгородском музее (см. Каталог, стр. 14). Наряду с Хутынской иконой Филимонов в 1849 г. видел в Новгороде еще другую на тот же сюжет, находившуюся в городской церкви Дмитрия. Однако при повторном посещении Новгорода через 15 лет, в 1865 г., он уже не нашел ее (сборник на 1866 год, изданный Обществом древнерусского искусства при Московском Публичном музее, М., 1866, стр. 121). Издатель хутынского памятника П. А. Гусев упомянул еще одну, таким образом третью в Новгороде, икону «Видения», принадлежавшую Новгородскому музею древностей. Сохранившаяся до недавнего времени, она почти не отличалась от хутынской как по композиции, так и по времени написания. Происхождение ее музейной документацией не устанавливалось. Памятник погиб во время войны и оккупации Новгорода. Кроме названных трех икон, находившихся в самом Новгороде, нам известны четыре иконы «Видения» вне его, еще не попавшие в литературу. Три из них находятся в Москве, одна — в Ленинграде.

1) В церкви Василия Блаженного (Покровский собор) на Красной площади, в Варлаамиевском приделе, находится икона «Видение Тарасия» (разм. 162,5 × 150) конца XVI в. К отличиям иконы принадлежат изображения восьми святых в рост, расположенные по четыре вдоль боковых сторон иконы. О происхождении памятника